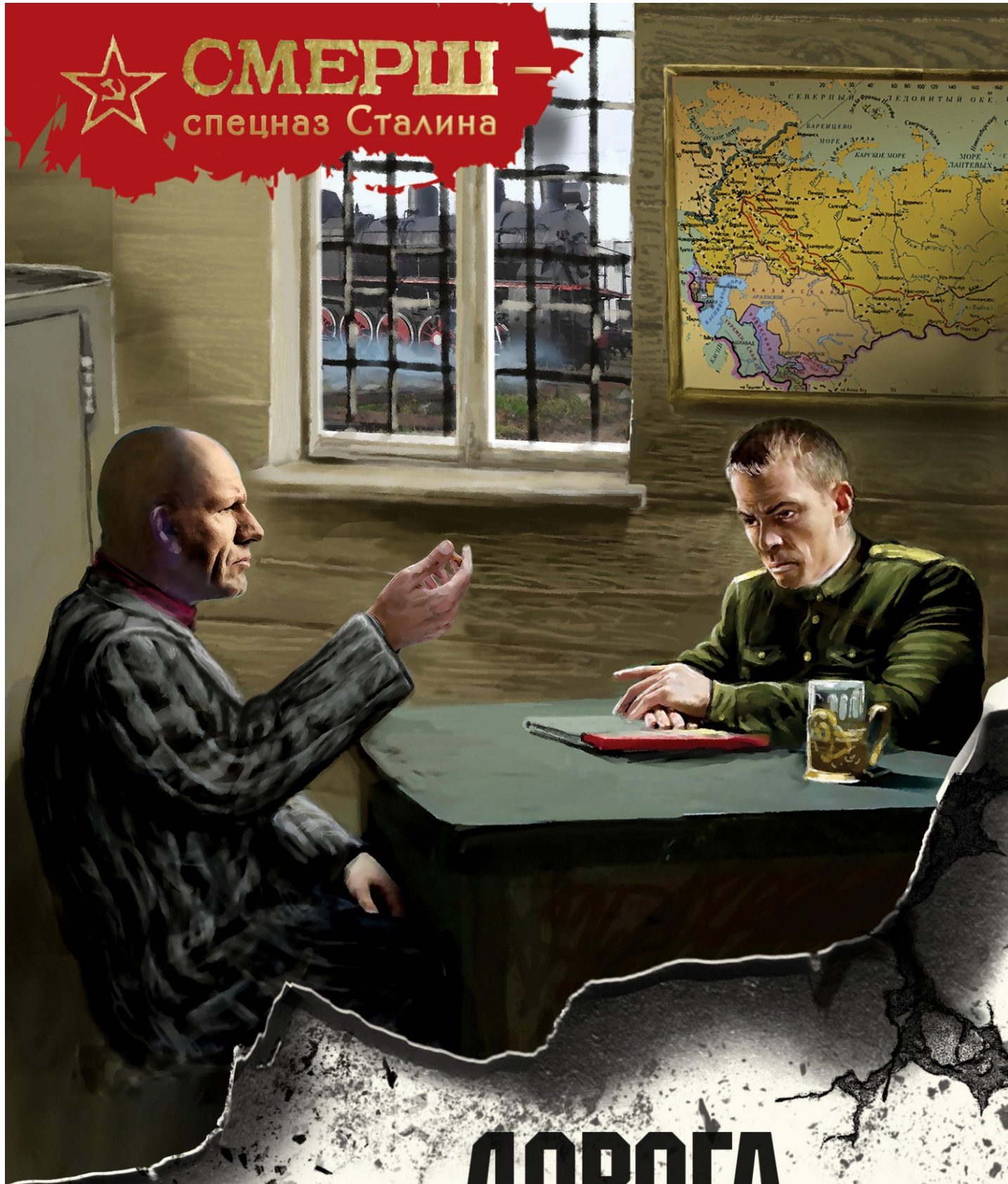

СМЕРШ

спецназ Сталина

ДОРОГА ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Дорога особого значения

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Дорога особого значения / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-187885-6

Самые интересные романы о сталинском спецназе – СМЕРШе. Германское командование разрабатывает план диверсии на Транссибирской магистрали, снабжающей советские войска. Главной действующей силой акции должны стать заключенные сибирских лагерей. Подбить эков на восстание поручено осевшим в тех краях «спящим» агентам абвера. Узнав о готовящейся операции немцев, руководство СМЕРШа направляет в один из лагерей старшего лейтенанта Игната Раздабарова и лейтенанта Афанасия Лыкова. Под видом заключенных они внедряются в преступную среду и начинают опасную работу по перевербовке уголовных авторитетов... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) – это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все – и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливое и скорое суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ – спецназ Сталина» – это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком. Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187885-6

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Тамоников

Дорога особого значения

© Тамоников А.А, 2023

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

На передовую полковник Николай Звягин попал лишь в начале 1943 года. До этого дивизия, которой он командовал, находилась в резерве – далеко от фронта, в одном из уральских городков. В начале 1943 года дивизию Звягина отправили на передовую. Предстояло освободить Украину от захватчиков. Вот туда-то, к украинским рубежам, и был направлен полковник Звягин вместе с дивизией.

С самого начала войны Звягин не горел особым желанием воевать – хотя и был кадровым военным. Его вполне устраивало то, что он находился в тылу. Здесь все было проще и понятнее, а главное, спокойнее. Здесь не стреляли, а атаки, контратаки и прочие маневры больше походили на игру, чем на реальные военные действия. Все это были учения, а учения – это всегда прелюдия к настоящим сражениям.

Ну, и пускай это будет прелюдия. Пускай такая прелюдия длится как можно дольше – хоть до самого конца войны. Он, полковник Звягин, ничуть против этого не возражал. Зачем ему фронт, где стреляют и убивают? В тылу – оно спокойнее. Тем более что находился в тылу Звягин не по своей воле и прихоти, а таков приказ высшего командования, которому он обязан подчиниться. Так что никаких угрызений совести и прочих душевных терзаний полковник не испытывал. К чему угрызения и терзания? Приказано находиться в тылу – он и находится.

При всем при том трусом Звягин себя не считал. О, нет, какой же он трус? Если, допустим, завтра ему прикажут вместе с дивизией отправиться на передовую – он, разумеется, отправится. И будет воевать храбро, умело, как и полагается советскому офицеру.

Попав на фронт, свой первый настоящий бой полковник Звягин провел превосходно. Его дивизия должна была взять один из донбасских городов – и Звягин с честью выполнил приказ. Затем был другой донбасский городок и третий – и здесь Звягин также вышел победителем. И даже был представлен к боевой награде.

Ну, а коль так, то полковник очень скоро убедил сам себя в том, что он талантливый полководец, победитель, успешный освободитель родных земель от захватчиков и впереди его ждут другие военные успехи, а с ними – почет, слава, генеральское звание. А там, глядишь, война и закончится, и уж тогда-то он заживет как следует! В почете, уважении, достатке – как и подобает боевому генералу-победителю. Тем более что война, судя по всему, и впрямь скоро закончится. Вон как наступают советские войска! По всем фронтам! А враг, соответственно, по всем фронтам отступает.

Так что не стоит горевать и печалиться, что он попал на передовую. Потому что если разобраться, то и на передовой можно ухватить удачу за хвост! И для этого здесь возможностей гораздо больше, чем в тылу. Что тыл? Там, конечно, безопаснее, но вместе с тем никаких особенных наград и почестей тебе не достанется. Фронт – другое дело! Тем более непосредственно в атаки ему не ходить. Его дело – командовать издали, находясь в укрытии.

После нескольких успешных боев наступило затишье. Приказов освободить другие города пока что не было, и дивизия Звягина, таким образом, получила передышку. Ну а если дивизия переводит дух, то и ее командир имеет такое же право. Нет, конечно же, хлопот Звягину хватало и сейчас, но в перерыве между хлопотами выдавались и относительно свободные часы, и уж их-то Звягин старался проводить в свое удовольствие.

Он даже обзавелся походно-полевой женой! Одна юная, привлекательная телефонисточка по имени Катя хотя и не сразу, но прислушалась-таки к прозрачным намекам Звягина и согласилась на отношения. Да и кто мог бы устоять супротив Николая Звягина – статного красавца, героя, полковника, а в скором будущем – генерала?

Так что если поначалу Звягин и сожалел о том, что попал на передовую, то вскоре его сожаление улетучилось, а взамен пришло чувство, которое можно было бы назвать самодо-

вольством. Или – самоуспокоением. Или – той разновидностью беспечности, которая обычно присуща всем тщеславным, а оттого и не слишком умным и душевно слепым людям.

...Ну, а затем случился тот самый бой. Для дивизии Звягина, равно как и для самого полковника, это был роковой, переломный день в жизни. Дивизия Звягина должна была взять небольшой донбасский город. План взятия был разработан досконально и не сулил никаких особенных неприятностей. С наступлением темноты дивизия по всем правилам военной науки должна была начать атаку, а к утру, по всем расчетам, городок предполагалось освободить. Будучи уверенным в успехе, Звягин даже самолично выдвинулся поближе к атакующим линиям своей дивизии – чтобы, значит, образно выражаясь, въехать в город победителем на белом коне впереди собственного войска.

Но случилось то, что случилось. С самого начала атака не задалась. То ли был просчет в предварительных планах, то ли неприятель по каким-то неведомым причинам решил удерживать городок во что бы то ни стало... Но первая, а за нею и вторая атака захлебнулись. Звягин не раздумывая приказал идти в третью атаку. И вот тут-то дивизия почти в полном составе угодила в самый настоящий огневой мешок! Стреляли отовсюду: в лоб, с флангов, сверху... Не дожидаясь приказа, дивизия стала отступать. Но оказалось, что и отступить нет возможности, потому что неприятель открыл шквальный огонь и с последней, четвертой стороны. А это могло означать лишь одно – дивизия угодила в окружение.

К такому повороту полковник Звягин оказался не готов. Он не знал, какой приказ отдавать, да и кому отдавать! Где сейчас его войско? Кругом была сплошная тьма, исчерченная трассирующими пулеметными очередями, истерзанная взрывами, наполненная криками. Такая тьма несла в себе погибель, которая не разбирает, где рядовой боец, а где командир дивизии. Для нее все люди одинаковы...

Звягин находился в машине – трофейном «Хорьхе». Вместе с ним там же находились еще три человека: водитель, адъютант и связистка Катя – та самая, походно-полевая жена полковника. По здравом рассуждении, Кати здесь было не место, но Звягин перед началом атаки сам себя убедил в том, что без Кати ему никак не обойтись. Уж очень ему хотелось, чтобы в тот торжественный миг, когда он будет входить в освобожденный город как победитель, Катя была рядом! Чтобы она, значит, могла видеть воочию, каков ее любовник – храбрый и удачливый полководец и вообще герой.

Рядом с машиной один за другим раздалась три взрыва. Стреляли, судя по звукам, из минометов. А коль так, то враг находился где-то совсем рядом. Минометы, как известно, далеко не стреляют. Осколки и комья мерзлой земли защелкали и загрохотали по машине. Мотор взвыл и умолк.

– Что? – спросил Звягин у шофера, стараясь перекричать грохот взрывов и звуки выстрелов. – Что случилось?

– Не знаю! – прокричал в ответ водитель. – А, черт!.. Не заводится! Похоже, подбили нас, вот что!

– Всем покинуть машину! – приказал Звягин.

Он схватил Катю за руку и почти насильно выволок из автомобиля. Что делали в это же самое время шофер и адъютант, его не интересовало. Сейчас его волновала только собственная судьба да еще – судьба Кати.

Вывалившись из машины, Звягин тотчас же упал на землю, увлекая за собой Катю.

– Надо подальше от машины! – прокричал он. – Ползком! Не поднимая головы! В какую-нибудь воронку! Ты поняла?

И, не дожидаясь от Кати ответа, пополз. Девушка, как могла, ползла рядом. Вскоре они доползли до воронки и вдвоем в нее свалились.

– Цела? – спросил Звягин.

– Да, – испуганно ответила Катя. – Ватник вот только порвала...

Она была одета в ватник и ватные стеганые галифе. На Звягине был добротный полушубок.

– Да и черт с ним, с ватником! – ответил Звягин. – Не до него! Лежи и не высовывайся! Видишь, как стреляют!

Минуты три Катя лежала молча, затем испуганно спросила:

– А что случилось? Что происходит? Где мы?

– Черт его знает! – зло ответил Звягин. Он помолчал и добавил: – Стреляют со всех сторон! В ловушку мы угодили! Похоже, окружили нас.

– Так чего же мы здесь лежим? – спросила Катя больше удивленно, чем испуганно.

– А что нам делать, когда и головы не поднимешь? – все с той же злостью ответил Звягин.

– Надо организовать оборону, – неуверенно предложила Катя. – Командовать надо.

– Кем? – ощерился Звягин. – И как?

– Но вы же командир... Вы должны знать...

Звягин хотел что-то ответить, но не успел, потому что буквально ему на голову вдруг свалился человек. Это оказался адъютант.

– А, вот вы где! – выдохнул он. – А я уж думал, что не найду вас в этой чертовой круговерти.

– Что происходит? – спросил у адъютанта Звягин.

– Воюем, – почти спокойно ответил тот. – Слышите – стреляют? Значит, воюем... А там, вдали, слышите частую стрельбу? Думаю, это наши прорываются из окружения. Туда нам и надо. К своим.

– Да, туда... – не слишком уверенно произнес Звягин. Он осторожно выглянул из воронки и тотчас же упал на ее дно.

– Что такое? – с тревогой спросил адъютант.

Катя испуганно вскрикнула.

– Ничего, – ответил Звягин, трясая головой. – Чуть не зацепило... Вот ведь как шмаляют. Из всех видов оружия! Головы не высунешь!

– Все равно надо к своим! – упрямо повторил адъютант. – Они – там, а мы – здесь... Так не полагается.

– Сейчас, – сказал Звягин, и в его голосе ощущались и неуверенность, и тревога, и почти неприкрытый страх. – Сейчас и мы туда... Вот только перестанут по нам стрелять, и мы сразу же... А то ведь голову поднять невозможно.

– Туда нам надо! – упрямо повторил адъютант. – Немедленно! А то как же они без командира?

– Сейчас, сейчас... – повторил Звягин и не двинулся с места.

Адъютант внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он был подчиненным, ему по долгу службы полагалось находиться рядом с командиром дивизии и выполнять его приказы. Он и находился рядом, вот только никаких приказов командир дивизии не отдавал.

Вскоре стрельба почти стихла. Вдалеке, правда, по-прежнему трещали выстрелы и ахали взрывы, а вот вблизи было почти тихо.

– Товарищ полковник, – сказал адъютант. – Слышите – почти не стреляют. Значит, самый подходящий момент. Вот сейчас я разведу, что и как, и мы короткими перебежками вперед. К своим...

Он осторожно высунул голову из воронки. Но почти сразу же ее и спрятал.

– Что? – спросил у него Звягин.

– Тише! – зашипел адъютант. – Немцы!..

– Но... – недоуменно произнес Звягин.

– Тише, тише! – повторил адъютант. – Авось не заметят.

Вверху раздались шаги и речь на немецком. Замерев и стараясь не дышать, Звягин, адъютант и Катя скорчились на дне воронки. Шаги и голоса стали отдаляться. Их не заметили.

– Ну, и что теперь? – спросил адъютант больше у себя самого, чем у еще кого-то. – Куда нам теперь?

– Теперь – выбираемся наружу и пойдем, – сказал Звягин. – Пока не начало светать.

– И куда же? – спросил адъютант.

– Там будет видно, – неопределенно ответил полковник и добавил: – Конечно же, к своим. Куда же еще?

– Ну... – так же неопределенно произнес адъютант и первым выбрался из воронки. Какое-то время его не было видно и слышно, но затем сверху раздался его приглушенный голос:

– Вылезайте из этой ямы! Немцев вроде поблизости нет!

Звягин помог Кате выбраться, затем вылез сам. Девушка дрожала – то ли от холода, то ли от испуга, а может, и от того, и от другого одновременно. Не отдавая себе отчета, она попыталась подняться во весь рост.

– А вот вставать, барышня, не нужно! – Адъютант дернул Катю за руку. – Лучше ползком. Так будет надежнее. Знать бы еще, в какую сторону ползти. А, товарищ полковник? По всем приметам туда, где стреляют. Там наши.

– Но там и немцы, – сказал Звягин. – Напоремся, чего доброго... Уж лучше туда. – Он указал куда-то в сторону.

– А там что? – хмыкнул адъютант.

– А там – будет видно, – неопределенно ответил полковник Звягин.

Глава 2

Вначале они ползли, затем – передвигались пригнувшись, а далее был лесок с деревьями и густым кустарником, где можно было передвигаться во весь рост. Ночь подходила к концу, занимался тусклый февральский рассвет, и уже можно было различить лица вблизи и отдельные предметы в отдалении.

– Я больше не могу, – сказала Катя. В ее голосе слышались слезы. – Я устала.

– Привал! – выдохнул Звягин. – Кажется, здесь мы в безопасности. – И он вопросительно посмотрел на адъютанта.

Тот в ответ лишь неопределенно передернул плечами, снял с шеи автомат, еще раз повел плечами.

Катя устало опустилась на мерзлую землю, на которой почти не было снега. Звягин присел рядом. Адъютант остался стоять, осматриваясь и прислушиваясь.

– А стрельбы-то почти не слышать, – сказал он. – Тут одно из двух: либо наши все-таки вырвались из окружения, либо... А, товарищ полковник? Что вы думаете по этому поводу?

Звягин ничего не ответил. Он сидел, прислонившись спиной к дереву, его глаза были закрыты.

– Я так думаю, что прорвались, – предположил адъютант. – Потому что невозможно окружить и уничтожить целую дивизию за такой короткий срок. Это нереально. И в плен они сдать не могли всем личным составом. Значит, вырвались из мешка. Без нашего участия. – Он помолчал, затем вдруг резко обернулся и в упор взглянул на Звягина. – Я говорю – без нашего участия! – повторил он. – Точнее – без вашего, товарищ полковник. Вы ими не командовали, а они прорвались. И сейчас, должно быть, те, кто уцелел, среди своих. И командование у них спрашивает: а куда подевался командир дивизии полковник Звягин? Может, он убит? А если не убит, то где же он? Как вы думаете, что они говорят в ответ? Барышня, этот вопрос касается также и вас.

– Не вам об этом рассуждать. – Полковник Звягин открыл глаза и со злобой взглянул на адъютанта. – Если что – я отвечу сам.

– Это конечно, – согласился адъютант. – Вот только что именно вы ответите? Почему вы здесь, а ваши солдаты – там?

– Ну, так и вы тоже здесь, а не там, – сказал Звягин.

– А что я? – возразил адъютант. – Я при вас. Так сказать, по долгу службы. Ну, про барышню мы и вовсе говорить не будем. Что барышня? С нее спросу нет. Но все-таки мне интересно – что дальше? Почему мы сейчас здесь, а не там?

Адъютант повернулся и указал рукой вдаль, туда, где затихала отдаленная стрельба. Полковник Звягин выхватил из кобуры пистолет и трижды выстрелил в адъютанта. Тот вздрогнул, недоуменно посмотрел на полковника и упал. Звягин выстрелил в адъютанта еще два раза. Катя вскрикнула и испуганными глазами взглянула на полковника.

– Вот так, – деревянно улыбаясь, сказал Звягин. – Вот так... А ты не кричи. Не надо кричать. А то вдруг услышат...

– Вы... вы его убили! – в ужасе произнесла Катя. – Своего...

– Он сам себя убил. – Деревянная улыбка не сходила с губ Звягина.

– Зачем? – Катя не могла прийти в себя. – Зачем вы его застрелили?

– А ты что же, хотела, чтобы он застрелил меня и тебя? – зло выговорил Звягин. – Вишь, как он завел! Почему мы здесь, да что я скажу... А дальше дошло бы дело и до стрельбы. Не зря же он снял автомат с шеи. И что же – было бы лучше, если бы он застрелил нас, а не мы его?

На это Катя ничего не ответила. Она не сводила испуганных глаз с мертвого адъютанта.

– И все равно я не понимаю... – наконец проговорила она.

– Чего ты не понимаешь? – взглянул на нее Звягин. – Ну, что тебе непонятно?

– Я не понимаю... – повторила Катя.

– Хорошо, я тебе объясню, – сказал Звягин. – Растолкую. Первое: возвращаться туда, – он указал рукой куда-то вдаль, – нам нельзя. Там нас не пощадят. Там для нас – смерть.

– Почему же? – тихо спросила Катя.

– Потому что моя дивизия там, а я здесь! – резко ответил Звягин и кивнул на мертвого адъютанта: – Он был прав. Что я скажу там, – он опять указал вдаль рукой, – когда меня спросят? Кто станет слушать мои объяснения и оправдания? Я завел дивизию в мешок, и я ее из мешка не вывел. Более того: я – сам по себе, а дивизия – сама по себе. Это же трибунал! А то, может, и до трибунала не дойдет... Так получилось... Потому-то нам туда и нельзя.

– Нам? – Испуг в голосе Кати сменился удивлением.

– А ты что же, думаешь, они тебя помилуют? – Звягин желчно усмехнулся. – Меня, значит, поставят к стенке, а тебя наградят орденом? А за что тебя награждать? За то, что ты была со мной? Хороший повод для награды, ничего не скажешь.

– Но... – попыталась возразить Катя.

– Ты хочешь сказать – там разберутся? – скривился Звягин. – Как же – они разберутся... Станут они возиться с какой-то связисткой. Уж если меня не помилуют, то и тебя тоже.

Катя, подавленная, долго молчала. Она не знала, что ей говорить и что делать. Она просто сидела на мерзлой земле, обхватив руками колени, и невидящими глазами смотрела вдаль.

– Так что же делать? – наконец спросила она.

– Жить, – ответил Звягин. – Для чего нам умирать? И мне, и тебе тоже? Надо жить дальше...

– Как? – спросила Катя.

– А вот ты меня послушай! – наклонился к ней Звягин. – Но только внимательно слушай – без всяких таких... – Он не договорил и пошевелил пальцами. – К своим нам возвращаться нельзя – это понятно. Сидеть в этом мерзлом лесу – много не высидишь. Да и какой смысл? Значит, остается одно – уйти к ним.

– Куда? – не поняла Катя.

– К ним, – жестко повторил Звягин. – К немцам.

На это Катя ничего не сказала, лишь ошарашенно приоткрыла рот, и в ее глазах замаялись испуганные тени.

– Да, к немцам! – все так же жестко повторил Звягин. – Ну, а что? Я – полковник, командир дивизии. Не каждый день им в руки попадают полковники и командиры дивизий! Я много чего знаю, я – специалист. А немцы ценят специалистов. Так что не обидят. Ну, а ты будешь при мне. Скажем им, что ты моя жена.

– Но... – заикнулась было Катя.

– Или, может, ты думаешь, что советская власть в этой войне победит? – не дал ей договорить Звягин. – Как же – победит... Все эти наступления – дело временное. А дальше начнутся сплошные отступления. Уж я-то знаю. А где отступления, там и смерть. Зачем нам умирать?

– Но ведь это предательство! – выговорила наконец Катя. – Как же так? Ведь нельзя предавать... Надо сражаться...

– Это жизнь, детка, – назидательно проговорил полковник. – Которая, как мы знаем, всем дается лишь один раз. Значит, надо жить. И в той ситуации, в которой мы оказались, выжить можно только так, как я сказал. Ты меня поняла?

На такие слова Катя не нашла что ответить. Ей захотелось плакать. И чтобы ее кто-нибудь утешил. Но некому было ее утешать, это она прекрасно понимала. Кто бы ее мог утешить? Мертвый адъютант? Полковник Звягин – ее нечаянный походный сожигатель? Так ведь он не утешит. Вон какие страшные слова он говорит! Надо, говорит, сдаваться фашистам. Но ведь нельзя сдаваться фашистам! С ними надо воевать! До последнего патрона, до последнего

вздоха! А может, Звягин шутит? Может, он говорит такие слова всего лишь для того, чтобы ее проверить? Но нет, нет. Все серьезно, он ведь своего адъютанта застрелил. Значит, и сейчас не врет. Но как же быть? Ведь нельзя же сдаваться врагу! Лучше умереть!

Но какие слова она может сказать полковнику Звягину – да и примут ли его слова? Говорит, что ты – моя жена. При других обстоятельствах она бы, конечно, обрадовалась таким словам. Она была влюблена в Звягина. Да-да, влюблена! Без любви разве бы она пошла на связь с ним? Разве бы решилась стать походно-полевой женой? Но для чего ей такая любовь сейчас, в этот самый момент, когда человек, которого она любит, говорит ей такие страшные слова о предательстве и всерьез намеревается предать? Он – враг, а с врагом надо бороться, потому что идет война.

Катя повела вокруг глазами. Оружия при ней не было. Но в пяти шагах от нее лежит мертвый адъютант, а рядом с ним – автомат. Надо только сделать эти пять шагов, схватить автомат и... Но как же их сделать? Ведь это так много – пять шагов!

Звягин, все это время с внимательным прищуром наблюдавший за Катей, понял ее намерения. Он хмыкнул, подошел к мертвому адъютанту, поднял автомат и забросил его себе на плечо.

– Не дури, детка! – сказал он. – А то ишь, что удумала! Я предлагаю тебе хороший вариант! К черту эту войну, к черту всё и всех! Заживем нормальной жизнью! А не в колхозной землянке или в заводском бараке. Решай, время дорого.

Слушая его, Катя понимала, что теперь, когда Звягин разгадал ее намерения и забрал автомат, она осталась совсем беспомощной и беззащитной. Сила была полностью на стороне Звягина. В любой момент он мог сделать с ней все, что захочет. Может увести с собой силой или убить. Такой, стало быть, был у нее выбор – быть убитой или оказаться в плену у немцев.

– Ну, так что же? – спросил Звягин. – Надумала? А то ведь времени совсем не осталось. Уже утро.

– Никуда я с тобой не пойду! – решительно произнесла девушка. – Ни к каким немцам! Потому что это предательство!

– Вот как... – Звягин, казалось, даже слегка растерялся от такого решительного ответа Кати. Похоже было, он все же надеялся, что девушка произнесет совсем другие слова. – Вот, значит, как... И что же ты собираешься делать? Вернуться к своим? Донести на меня?

– Миленький! – вдруг торопливо, сбивчиво и взалхлеб проговорила Катя и подбежала к Звягину. – Миленький... не надо! Не надо идти к немцам... что ты! Давай лучше вернемся к своим! Упадём в ноги, повинимся. Что они нам сделают? Ну, разжалуют тебя, отправят на фронт рядовым, так и что же? Я тебя буду ждать! И ты вернешься живым и невредимым! Разве это так важно – генерал ты или простой солдат! Важно другое, миленький! Я тебя буду ждать. А ты будешь писать мне письма. А когда война закончится... а она закончится очень скоро, потому что вот – мы наступаем... и когда война закончится, то мы...

Звягин не дал ей договорить. Он с силой оттолкнул от себя Катю. Легонькая девушка от толчка отлетела на несколько метров и упала на спину. А когда она поднялась, то увидела, что Звягин наставил на нее автомат.

– Миленький... – сказала Катя, и это были ее последние слова.

Автомат коротко застучал, Катя переломилась и упала на спину. Да так и осталась лежать, глядя широко раскрытыми глазами в пасмурное февральское небо.

– Никто теперь не скажет, что полковник Звягин жив, – сам себе проговорил Звягин. – Потому что никого не осталось, кто бы мог это сказать. А значит, никто не станет искать полковника Звягина. Подумают, что он погиб. Вычеркнут из списков и забудут.

Он постоял еще немного над мертвой Катей, глядя куда-то в дымное пространство февральского утра. Затем тряхнул головой, забросил автомат в кусты и пошел в ту сторону, где, по его мнению, должны были находиться немцы.

Долго идти ему не пришлось. Вскоре он увидел немцев. Это был небольшой мобильный немецкий отряд на нескольких бронемашинах. Расположившись на обочине дороги, солдаты завтракали. Какое-то время Звягин наблюдал за ними из кустов, не решаясь подойти. Но потом решился. Он высоко поднял руки и вышел из укрытия. Немцы, ничего подобного не ожидавшие, удивленно уставились на Звягина. Их удивление было так велико, что они даже не схватились за оружие, а просто сидели и молча наблюдали, как к ним приближается какой-то человек с поднятыми руками.

– Не стреляйте! – по-русски крикнул Звягин. По-немецки он не мог произнести даже нескольких расхожих фраз, которые на фронте знал каждый солдат. – Не стреляйте! Я – полковник! Я – командир дивизии! Я хочу добровольно сдаться!

Похоже было, что и немцы не знали ни единого русского слова. Но слова «полковник» и «дивизия» они все же поняли. Несколько солдат взяли оружие и, держа его на изготовку, осторожно пошли навстречу Звягину. Сблизившись со Звягиным, они окружили его. Двое солдат стали обыскивать полковника, остальные стояли рядом и держали пальцы на спусковых крючках, готовые выстрелить в любую секунду.

– Не стреляйте! – повторил Звягин. – Я – полковник. Отведите меня к вашему командиру. У меня есть важные сведения.

Для большей убедительности Звягин снял с себя полушубок, чтобы лучше были видны нашитые на гимнастерке знаки различия и погоны. Один из солдат, увидев погоны, что-то сказал другим солдатам, а затем, глянув на Звягина, произнес: «Ком!» И сделал соответствующий знак рукой.

– Да-да, конечно! – с готовностью ответил Звягин и, не опуская рук, пошел с немецкими солдатами.

Глава 3

Звягин опасался, что его поместят в концлагерь, или в тюрьму, или еще в какое-нибудь погибельное место, а то и вовсе сразу же расстреляют, не вникая ни в какие подробности и не спрашивая – кто он, для чего сдался в плен и чем он может быть полезен. Но все обошлось. Звягина не отправили ни в тюрьму, ни в концлагерь, а поселили в двухэтажном здании, внешне напоминавшем довоенный советский санаторий.

Конечно, бывший санаторий охранялся, тут и там можно было видеть вооруженных солдат, но все же здесь было гораздо лучше, чем в тюрьме. Тем более что в санатории, помимо самого Звягина, находились и другие люди – похоже, бывшие старшие офицеры Красной армии, как и сам Звягин. Все они были в советской форме – правда, без знаков различия, как и сам Звягин (первое, что сделали немцы, взяв в плен Звягина, – это сняли с его одежды все знаки различия). Скорее всего они так же, как и Звягин, добровольно сдались в плен, а может, оказались здесь по каким-то другим причинам. Их было немного, человек десять, не больше. Но все равно и бывший санаторий вместо концлагеря, и эти десять человек – все это приободрило Звягина и вселило в него определенные надежды: коль его не бросили в концлагерь и не расстреляли, а наоборот – поместили в бывший санаторий, значит, у немцев на него имеются какие-то планы относительно дальнейшего сотрудничества. Что ж, и хорошо. В конце концов, именно ради этого он и сдался в плен.

С другими бывшими офицерами Звягин близко сходитья не стал, да и они не горели желанием завести с ним знакомство. Они лишь искоса на него взглянули, двое или трое из них криво усмехнулись – вот и все, можно сказать, знакомство.

Что ж, и это было хорошо. Зачем они были нужны Звягину? Он ждал, когда его вызовут, хотя понятия не имел, куда его должны вызвать, с кем ему придется общаться и на какие темы. Но в том, что такое общение рано или поздно состоится, Звягин не сомневался. А иначе для чего его поместили в бывший санаторий?

И он оказался прав. Однажды утром, спустя примерно неделю после того, как Звягин был помещен в бывший санаторий, за ним явились два вооруженных солдата и знаками велели следовать за ними. Звягин, хотя и ожидал этого, все же заволновался. Куда его сейчас отведут? Что ему ждать? В растерянности он взял полушубок, намереваясь его надеть, но солдаты знаками показали, что в этом нет надобности. И это Звягина изрядно приободрило. Коль не нужен полушубок, значит, его не собираются отправлять куда-то далеко: возможно, его не будут даже выводить из здания.

Так и случилось. Звягина всего лишь отвели в другое крыло санатория и ввели в просторный кабинет с двумя столами, несколькими стульями, диваном, больничным шкафом и большим металлическим сейфом в углу. В кабинете находились двое в немецкой военной форме. Они взглянули на застывшего у дверей Звягина: тот, что был постарше, посмотрел с холодной суровостью, а помладше – с ироничным прищуром. Во всяком случае, Звягину именно так показалось.

– Прошу, – произнес младший на русском языке, обращаясь к Звягину. – Проходите, присаживайтесь. Заодно позвольте отрекомендоваться. Мы с коллегой – из абвера. Если вам известно, это военная разведка.

– Да, я знаю, – ответил Звягин хриплым голосом.

– Отлично. – Собеседник едва заметно усмехнулся, отчего ироничный прищур его глаз стал еще заметнее. – Мы с коллегой неплохо говорим по-русски, так что никаких проблем в плане взаимопонимания в этом смысле быть не должно. Называйте меня герром Штеле, а моего коллегу герром Эрлихом.

– Хорошо, – сказал Звягин.

– А теперь представьтесь вы. – Штеле опять улыбнулся.

– Николай Звягин, полковник, командир дивизии, – хриплым от волнения голосом сказал Звягин.

– А вот волноваться не стоит. – Улыбка просто-таки не сходила с губ Штеле. – Как говорят французы, для вареного рака все самое страшное уже позади.

– Что-то похожее говорят и у нас, – откашлялся Звягин.

– Ну, вот видите! – Штеле даже прихлопнул в ладоши от таких слов Звягина. – А еще у вас говорят – все мы люди, все мы человеки. Ведь говорят же?

– Да, – коротко ответил Звягин.

– Прекрасно! – воскликнул Штеле. – Это означает, что мы с вами сможем понять друг друга и выстроить наши отношения к обоюдной пользе.

– Да, конечно, – осторожно согласился Звягин.

– Итак, вы добровольно сдались в плен немецким войскам... – сказал Штеле.

– Именно так, – кивнул Звягин.

– Отлично! – энергично произнес Штеле. – Но вот вопрос: а почему так поздно? Почему не в сорок первом или, скажем, сорок втором году?

– В сорок первом и сорок втором году я не был на фронте, – сказал Звягин. – Я был в резерве. В глубоком тылу, на Урале.

– Понятно, – кивнул Штеле и опять иронично прищурился. – Скажите, а если бы вы в это время были на фронте, то сдались бы?

– Да, – ответил Звягин.

– И что тому причиной? – спросил Штеле.

– Причиной? – переспросил Звягин. Постепенно растерянность проходила, он стал себя чувствовать увереннее. – Да есть причины...

– А именно? – вмешался в разговор второй собеседник – герр Эрлих, и Звягин даже вздрогнул от неожиданности.

– Терпеть их не могу! – сказал Звягин. – Ни их колхозы, ни их пятилетки, ни их лозунги.

– Что же, наши лозунги вам милее? – улыбнулся Штеле. – Чем же?

На это Звягин не нашелся что ответить и лишь передернул плечами.

– Ну, хорошо, – миролюбиво произнес Штеле. – Просто будем считать, что вы сдались в плен по идеологическим причинам. Я прав?

– Именно так, – кивнул Звягин.

– Да, но как вам это удалось? – все тем же миролюбивым тоном поинтересовался Штеле. – Все-таки вы командир дивизии. Так сказать, персона на виду... Неужто у вас все так просто? Захотел командир дивизии сдаться в плен – и вот он уже в плену! Так как же все получилось на самом деле? Расскажите подробнее о вашем пленении.

Не нравился Звягину этот миролюбивый тон, ох как не нравился. Чувствовалось, что кроется в этом нарочитом миролюбивом тоне нечто другое – коварное, хищное, смертельно жестокое. Это было миролюбие змеи, готовой в любой момент броситься в смертельную атаку и ужалить. Но куда было Звягину деваться? Выбирать собеседников не приходилось, и уклониться от ответа на вопрос он также не мог. И потому он рассказал обо всем, что произошло: и о ночном неудачном бое, когда вся его дивизия угодила в огневой мешок, и об убийстве своего адъютанта, и об убийстве Кати тоже...

Эрлих и Штеле слушали, не перебивая, они лишь изредка переглядывались между собой.

– Вы закончили? – спросил Штеле, когда Звягин умолк.

– Да, – сказал Звягин.

– Что ж. – Штеле встал из-за стола и прошелся по кабинету. – Что ж... Подведем некоторые итоги. Итак, вы говорите, что сдались в плен по идеологическим соображениям.

– Да, конечно, – поспешно подтвердил Звягин.

– Однако то, что вы нам рассказали об обстоятельствах вашего пленения... – Штеле помолчал, выдерживая паузу. – Скажем честно, мы с коллегой вам не поверили.

– Почему? – испуганно спросил Звягин.

– Потому что вы лжете! – неожиданно резко произнес Штеле.

Вот он, бросок змеи! Штеле, сделав стремительное движение, резко уселся напротив Звягина и уставился ему в глаза. В этих глазах не было уже никакой добродушной иронии, только злоба.

– Вы нам лжете! – повторил Штеле. – Почему вы лжете? Со страху? Из желания перед нами выслужиться? Набить себе цену? Или, может быть, из-за того, что вы – совсем не тот, за кого хотите себя выдать? Так кто же вы? Отвечать!

– Я говорю правду... – растерянно вымолвил Звягин.

– Значит, правду? – спросил на этот раз Эрлих. – И в чем же она, ваша правда?

– Я сдался добровольно! – с нотками истерики в голосе выкрикнул Звягин.

– Вы сдались нам потому, что оказались в безвыходном положении! – с мрачной жесткостью произнес Эрлих. – Вы погубили дивизию, которой командовали. Безусловно, за это вам пришлось бы отвечать. Вы испугались понести наказание, оттого и решили сдаться. Я все правильно сказал? Или, может, вы желаете возразить?

На это Звягин ничего не ответил. Он испуганно и подавленно молчал. Он считал, что теперь все для него пропало. Раскусили его немцы, разоблачили. Вот как быстро и ловко это у них получилось. Не нужен он немцам. Все, наверно, кончено.

– Я могу быть вам полезен, – наконец хриплым голосом сказал он. – Я много чего знаю... Могу вам рассказать...

– Это само собой. – Штеле с нарочитой ленцой потянулся и даже зевнул. – Но чтобы заслужить доверие Германии, этого мало. Таких, как вы, у нас хватает и без вас. Вы сейчас обыкновенный пленный. Обычно таких после допроса расстреливают по законам военного времени. Вот и вся ваша ценность.

– Я могу и больше! – торопливо произнес Звягин. – Я многое могу!

– Неужели? – В голосе Штеле опять послышалась ирония. – И что же именно вы можете?

– Есть у меня соображения! – все так же торопливо сказал Звягин. – И не просто соображения, а предложения, которые можно реализовать! Да-да! И притом легко! Надо лишь подготовиться... Это именно то, чего Советы опасаются, боятся. Очень боятся! Вот я сейчас вам расскажу...

– Не надо, – поднял руку Эрлих. – Сейчас не надо. Расскажите завтра. Все хорошо обдумаете и расскажете. Вы поняли?

– Да-да, конечно...

– Зав-тра! – по слогам произнес Штеле. – Во всех подробностях. И очень хотелось бы, чтобы это были дельные предложения, которые пойдут на пользу Германии. И если они будут такими, то, как говорят у вас, за нами не заржавеет. А нет – извиняйте.

– Да, я понимаю! – торопливо согласился Звягин.

Штеле позвал солдат, и Звягина увели. После ухода Звягина Эрлих и Штеле какое-то время молчали, а затем Эрлих спросил по-немецки:

– Ты думаешь, от этой мокрицы может быть какой-то толк?

– Черт его знает! – также по-немецки ответил Штеле. – Иногда они в надежде сохранить жизнь действительно выдают ценные идеи. Может, это как раз и есть такой случай? Все-таки полковник... Чему-то его учили, что-то он знает... Подождем до завтра.

Глава 4

Всю ночь Звягин не спал. Какой уж тут сон? Он лихорадочно думал. И, главное, ему было о чем размышлять. Днем в разговоре со Штеле и Эрлихом он не солгал. У него действительно была идея, которая, по его мнению, могла заинтересовать немцев. И тут было главное – как преподнести ее? В каком виде?

Еще будучи в глубоком тылу, да и потом, на фронте, Звягин слышал такое слово – «Транссиб». Да что там слышал, он прекрасно знал, что оно значит. Именно по этой железно-дорожной магистрали шли на фронт значимые грузы: и оружие, и продовольствие, и живая сила. Не будь Транссиба, возможно, не было бы и успехов на фронте. Потому что как еще доставлять грузы на фронт?

Так вот. Звягину не раз доводилось слышать, что высшее советское руководство очень опасается за сохранность Транссибирской магистрали. Дескать, если врагу удастся ее повредить, то в этом случае на фронте неминуемо возникнут большие трудности. А вместе с ними заглохнет и победное наступление Красной армии, и освобождение оккупированных врагом земель. Правда, при этом советским руководством выражалась уверенность, что как-то существенно повредить Транссиб и парализовать его работу – дело непростое, можно даже сказать, нереальное. Магистраль находится в глубоком советском тылу, тянется через всю Сибирь. Даже добраться туда фашистским диверсантам и то большая проблема. Да и добравшись, они ничего существенного сделать не смогут. Потому что чтобы вывести из строя столь мощную и протяженную магистраль – усилий только одной или даже двух, да хоть даже трех или четырех диверсионных групп явно не хватит. Здесь, пожалуй, нужна как минимум дивизия. А как ее перебросишь скрытным образом в глубокий тыл? К тому же там, в тылу, также есть части Красной армии, которые, в случае чего, дадут диверсантам отпор. Но тем не менее относиться с беспечностью к такой гипотетической опасности все равно нельзя. Необходимо быть бдительным – во всех смыслах этого понятия.

Но что, если все-таки попробовать обмануть бдительность советской власти? Что, если несмотря ни на что, попытаться нарушить работу магистрали? Хотя бы на короткое время? Вот это и было темой ночных размышлений Звягина.

Он сам был родом из тех краев, он родился и провел детство в городке Мариинске. Этот городок аккурат располагался на Транссибирской магистрали. На магистрали путевым обходчиком работал отец Звягина, да и сам он также начинал свою трудовую деятельность там же – подсобным рабочим в паровозном депо. Правда, недолго, потому что вскоре его забрали в армию, а дальше были командные курсы и военная карьера...

Так вот почему бы, несмотря ни на что, не попытаться нарушить работу Транссибирской магистрали? Допустим, в районе того же Мариинска? Как это сделать? Тут у Звягина имелась замечательная, как ему казалось, мысль. Мариинск, да и другие соседние города, которые также расположены на магистрали или неподалеку от нее – это, ко всему прочему, еще и край лагерей, в которых содержатся заключенные. Множество заключенных, может быть, тысячи! И уголовники, и бытовики, и политические – всякие. И у всех у них – затаенная, а у кого и открытая обида на советскую власть. Даже и не обида, а ненависть! Ведь именно советская власть заперла их в лагерь и лишила свободы. Ну, а где обида, там и желание отомстить. Да хотя бы даже и не отомстить, а просто вырваться на свободу.

Но свобода, она дорого стоит. За нее надо платить немалой ценой. Иначе говоря: я помогаю тебе обрести свободу, а ты мне за это платишь. И не деньгами, и даже не золотом, а, допустим, выполняешь какое-то поручение. Допустим, нужно взорвать мост Транссибирской магистрали. Или вывести из строя несколько перегонов, подорвав на них рельсы. Или взорвать

паровозное депо хотя бы в том же Мариинске. Да мало ли что можно сделать, чтобы нарушить бесперебойную работу магистрали.

Конечно, один или даже десяток освобожденных зэков с такой задачей не справятся. А если их объединить в отряды? Если дать им в руки оружие? Если поставить над ними правильных командиров, которые объяснят им, что и для чего они должны делать?

Где найти таких командиров? Допустим, заслать их в лагеря под тем или иным видом и предлогом. Где добыть оружие? Поднять в лагере восстание, разоружить охрану – вот тебе и оружие.

А дальше получится подобие снежного кома. Обязательно получится! За одним лагерем восстанет другой лагерь, за ним – третий, четвертый, пятый... Вот тебе и боевые отряды. И всем им поставить задачу: всячески стараться вредить Транссибу. Взрывать, ломать, крушить... Главное, объяснить, что все это – дело полезное и нужное, все это – святая и праведная месть советской власти, которая в свое время упекла их в лагеря... Вот это и будет идеология повстанческих зэковских отрядов. А где идеология, там и победа.

Но и это еще не все! Еще в район Мариинска нужно направить хорошо обученную и экипированную диверсионную группу. Так сказать, для общего руководства. Из кого она будет состоять? В принципе это не так и важно. Из немцев, из бывших красноармейцев, угодивших в плен... Из красноармейцев даже лучше, чем из немцев. Все-таки красноармейцы – свои, то есть местные, бывшие советские граждане. Они, в отличие от немцев, быстрее впишутся в действительность. А это очень важное условие – чтобы на тебя обращали как можно меньше внимания. Ну и, конечно, диверсионной группе нужен толковый командир. Впрочем, это уже не его, Звягина, дело. Это – как решат немцы.

И притом – всю эту операцию нужно повернуть как можно скорее! Сейчас февраль, а в апреле наступит весна. А с наступлением весны советские войска обязательно пойдут в наступление по всем фронтам. Так вот, нужно их опередить. То есть постараться к этому сроку парализовать работу Транссибирской магистрали.

А что касается восстания в лагерях, то его лучше всего поднять также в апреле. Сейчас зима, а в Мариинске – там сибирская зима. А зэк зимой на свободу не стремится – замерзнет насмерть. Весна – совсем другое дело. С наступлением весны зэка неудержимо тянет на волю. Вот и нужно воспользоваться таким зэковским порывом...

Вот только нужно поторопиться, потому что весна – она уже на подходе. А организационных дел, связанных с подготовкой и осуществлением операции, предполагается немало. Одна заброска диверсионной группы в Сибирь чего стоит. Ведь это же тысячи километров!

Как же назвать операцию, над которой размышляет сейчас Звягин? А если «Что делать?». А что – хорошее название и с чисто русским колоритом. Что делать – это исконный вопрос, всегда стоявший перед россиянами и Россией. Вопрос всегда был, а точного ответа на него никогда и не было. Ну, так пускай немцы и дадут, наконец, ответ на этот вопрос. А он, Звягин, им поможет. Подскажет...

Наутро Звягина вновь привели в тот самый кабинет, и вновь его встретили те же самые абверовцы – Эрлих и Штеле.

– О, я вижу, что вы не спали всю ночь! – с прежней своей ироничной насмешливостью произнес Штеле. – Надеемся, что причина вашей бессонницы была уважительной.

– Да, я почти не спал, – согласился Звягин. – Я размышлял и делал выводы...

– Вот как – даже выводы! – поощрительно произнес Штеле. – Очень интересно! Надеемся, вы поделитесь с нами вашими выводами. Мы заинтересованы.

По всему было видно, что Штеле не просто иронизировал, он не верил Звягину. А значит, ему не верил и другой собеседник – Эрлих. И это Звягина угнетало и пугало, но что он мог поделать? Он был в полной власти Штеле и Эрлиха, они сейчас были его судьями, а может стать, что и палачами.

Собравшись с мыслями, Звягин рассказал Эрлиху и Штеле о результатах своих ночных размышлений. И даже сообщил придуманное им название будущей операции. К немалой его радости, Эрлих и Штеле иронизировать не стали. Они обменялись взглядами, и только. Затем Штеле произнес:

– Что делать, что делать... Вечный русский вопрос...

– Именно так! – поддакнул Звягин.

– Хорошо, – сказал Штеле. – Результаты ваших ночных размышлений заслуживают того, чтобы над ними подумать. Ступайте к себе. Когда вы нам понадобится, мы вас вызовем.

Звягин вышел, испытывая при этом огромное душевное облегчение. Кажется, ему удалось убедить немцев в том, что он может принести пользу. А коль так, то очень может статься, что дальше все будет просто замечательно. Для него замечательно, для Звягина.

Глава 5

После ухода Звягина Эрлих и Штеле стали совещаться.

– Я вижу, что ты не веришь этому русскому полковнику, – сказал Штеле Эрлиху.

– Ты прав, – мрачно ответил тот. – Не верю.

– Думаешь, он блефует? – прищурился Штеле.

– Возможно, что и так, – ответил Эрлих.

– И это означает, что он не тот, за кого себя выдает?

– Именно.

– Да, но какой смысл в этой его игре? – Штеле встал и прошелся по кабинету. – Допустим, мы поверили в то, что он нам сказал. Идея действительно стоящая. Как ты сам знаешь, там, – Штеле указал пальцем вверх, – давно уже думают над тем, как перекрыть каналы снабжения для русской армии. И, между прочим, упоминалось и о Транссибирской магистрали. Причем не один раз и всерьез... Но, похоже, эти мудрецы в высоких кабинетах так ничего путного до сих пор и не придумали. Магистраль действует, и по ней все так же поступает все необходимое для Красной армии. Оттого она и перешла в наступление... И тут появляется русский полковник-перебежчик и практически с ходу предлагает нам интересную идею! Согласись, что идея и впрямь интересная.

– Именно это меня и смущает, – мрачно произнес Эрлих. – Такие идеи с ходу не рождаются. Они – результат многодневных напряженных размышлений.

– Захочешь жить – придумаешь еще не то, – улыбнулся Штеле. – Хотя, конечно, в какой-то мере ты прав... Думаешь, это ловушка?

– Возможно, – коротко ответил Эрлих.

– И этот полковник, соответственно, подсадная утка?

На это Эрлих и вовсе ничего не сказал, лишь пожал плечами.

– Герд, – обратился Штеле к Эрлиху по имени. – Ты прекрасно знаешь, как я ценю твой трезвый ум и здоровый пессимизм. Однако на этот раз мне кажется, что ты неправ. Давай рассуждать логически. Допустим, этот русский полковник и в самом деле провокатор. И, соответственно, фанатик. Да, фанатик, – заметив, что Эрлих удивленно посмотрел, повторил Штеле. – Потому что выйти живым из такой рискованной игры – дело практически невозможное. Если мы его хоть в чем-то заподозрим, то сам понимаешь, что с ним будет дальше.

Штеле опять прошелся по кабинету и сделал несколько энергичных движений руками.

– Все-таки малоподвижная у нас с тобой работа, – скривился он. – Все больше приходится работать головой. А малоподвижность – это плохо для всего организма, в том числе и для умственных способностей. Получается заколдованный круг.

– Просись на фронт, – мрачно усмехнулся Эрлих. – Там движения гораздо больше. Что, безусловно, отразится на твоих умственных способностях.

– Узнаю своего друга Герда Эрлиха! – рассмеялся Штеле. – Но однако же по некоторым причинам я предпочитаю быть здесь, а не на фронте. Итак, позволь мне продолжить. Допустим, русские и впрямь решили затеять с нами игру и подсунули нам провокатора-фанатика в лице этого полковника. Но в чем суть такой игры? В чем, так сказать, высокий замысел русских? Делай со мной что хочешь, но никакого высокого смысла я не вижу. В конце концов, чем мы рискуем в этой игре? Неужели только тем, что мы потеряем группу диверсантов, брошенную в глубокий тыл русских? Так невелика потеря... И, думаю, русские не стали бы ради этого затевать с нами какую-то игру. Не надо считать их дураками. Ну, а еще что мы здесь теряем? Ты молчишь, друг мой Герд Эрлих? Вот и я недоуменно умолкаю.

Выговорившись, Штеле сел на диван и закрыл глаза. Он думал. Думал и Эрлих. Они молчали долго.

– Там, – отозвался наконец Штеле и опять указал пальцем вверх, – наверное, уже головы себе сломали, размышляя, как оставить Красную армию без снабжения. Но, похоже, никто еще не додумался использовать для этого советских заключенных. Идея, прямо скажем, оригинальная и неожиданная. А значит, имеет шансы на успех. И потому я предлагаю подумать над ней основательно.

– Ты считаешь, что можно верить заключенным? – спросил Эрлих.

– В нашем положении можно верить хоть черту, – ответил Штеле. – Это во-первых. А во-вторых... Представь, друг мой Эрлих, что тебя за все твои старания взяли и засадили в концлагерь. Ну? Скажи, разве в этом случае ты не затаишь обиду на власть? Не захочешь ей отомстить – по мере своих сил и возможностей? И вот тебе вдруг предложили такую возможность... Конечно же, ты используешь эту возможность и подложишь взрывчатку под какой-нибудь мост. Разве не так? Получишь, так сказать, моральную компенсацию. И к тому же не забывай еще об одной компенсации – о свободе.

– Ты говоришь о психологических моментах... – в раздумье произнес Эрлих.

– А о чем же еще! – воскликнул Штеле. – Разумеется, о них!

– Да, но те, о ком ты говоришь, – заключенные. Убийцы, воры, возможно, те, кто отбывает заключение по политическим мотивам.

– Тем более! – развел руками Штеле. – Кому, как не политическим заключенным, быть мстителями? Это же принципиальные враги советской власти. Пригодятся и убийцы с ворами. Для них, как известно, главное – оказаться на свободе. И тут им предлагают такую возможность. Неужто они ее упустят? Опять же, друг мой Эрлих, я говорю о человеческой психологии.

– Допустим, – стал постепенно сдаваться Эрлих. – Однако же идея новая. Тут надо подумать.

– Разумеется! – воскликнул Штеле. – Подумать, затем составить план, далее – одобрить его в высоких кабинетах. Все, как полагается. А потом надо начать действовать. А начинать нужно с бокала хорошего французского коньяка! Как тебе моя идея, друг мой Эрлих?

– Поддерживаю, – скупно улыбнулся Эрлих.

* * *

– ...Итак, во-первых, – сказал Штеле. – Как нам быть с авторством идеи? Что же, так и доложим в верха, что ее нам подкинул русский перебежчик-полковник? Не много ли будет чести для этого полковника?

– У тебя есть мысль? – глянул Эрлих на Штеле.

– Я полон всяческих продуктивных мыслей, в том числе и относительно русского полковника, – с нарочитым пафосом сообщил Штеле.

– Я слушаю, – сказал Эрлих.

– А мысль вот какая, – сказал Штеле. – Предлагаю отодвинуть полковника в сторону и сообщить нашему начальству, что авторы идеи – мы с тобой. Думаю, ты не станешь возражать.

– Не стану, – ответил Эрлих. – Но как же быть с полковником?

– А что полковник? – поморщился Штеле. – Полковник... Да, вот! По всей видимости, там, в Сибири, нам понадобится свой человек, который смог бы координировать весь ход операции. Вот пускай наш полковник и будет таким координатором. Тем более что он, по его словам, родом из тех мест. А это, согласись, немаловажный момент – хорошо ориентироваться в обстановке.

– Не согласен! – решительно ответил Эрлих.

– Почему? – недоуменно спросил Штеле.

– По двум причинам, – стал пояснять Эрлих. – Во-первых, не исключено, что он совсем не тот, за кого пытается себя выдать. То есть ведет двойную игру. Ее цели нам пока непонятны, но это не означает, что их нет. Равно как и самой игры.

– Допустим, – недовольно произнес Штеле. – Я уже говорил тебе, что никакой игры скорее всего здесь нет, потому что нет в такой игре никакого смысла для русских. Но предположим, что ты прав. Ну, а в чем же заключается вторая причина?

– В том, что я ему не верю, – сказал Эрлих. – Если он предал своих, то предаст и нас. Психология – как ты любишь выражаться. Он трус, и этим все сказано. Поэтому рассматривать такого субъекта в качестве координатора столь сложной и рискованной операции – это как минимум непрофессионально. Но мы же с тобой профессионалы, не так ли?

– Тут я с тобой согласен, – после размышления произнес Штеле. – Но тогда – что с ним делать, с этим полковником? Получается, что он нам больше не нужен?

– Пускай он побудет некоторое время в нашем заведении, – сказал Эрлих. – Поиграем с ним... Подсунем к нему нашего агента... В общем, все, как обычно. Чтобы до конца выяснить, кто он на самом деле.

– Понимаю, – сказал Штеле и усмехнулся. – Тем более вдруг он выдаст нам еще какую-нибудь сверхценную идею! С испугу – оно бывает.

– Вряд ли, – равнодушно произнес Эрлих.

– Ну, не выдаст, так не выдаст, – согласился Штеле. – Отправим его в лагерь, да и забудем о нем. Меня сейчас интересует другое. Кто все-таки будет координатором? Ведь без него никак!

– Наверняка в тех местах есть наши агенты, – сказал Эрлих. – Подберем кандидатуру из них. Дадим соответствующие инструкции. Все как полагается.

– А тогда надо поторопиться, – сказал Штеле. – Наш полковник, безусловно, прав в одном. Скоро весна. А весна – это время для наступления.

– И для совершения диверсий – тоже, – добавил Эрлих.

Глава 6

У разведчиков всех стран есть такое специфическое выражение – «спящий агент». Или «законсервированный агент», что одно и то же. Суть такого понятия заключается в том, что агент, внедренный на вражескую территорию, вроде бы и есть, а вроде бы его до поры до времени и нет. То есть формально он является агентом, а фактически – нет. Фактически он ждет распоряжения от своего руководства в том смысле, когда ему нужно выйти из «спящего» состояния и приступить к активным действиям.

Именно таким «спящим» агентом и был Сергей Сальников. Его, командира Красной армии, завербовали еще до войны. В ту пору военные двух стран – СССР и Германии – периодически встречались и обменивались опытом. Никто тогда не предполагал, что через несколько лет они сойдутся вновь в смертельной схватке на полях войны.

Хотя, конечно же, некоторые обо всем этом прекрасно знали. Или, во всяком случае, догадывались. Иначе для чего были нужны в составе немецких делегаций под видом армейских офицеров сотрудники разведки? А они там были. И они-то и завербовали Сергея Сальникова.

Все случилось просто и даже, можно сказать, прозаично. После одной из рабочих встреч, вечером, Сальников решил, что называется, расслабиться и отправился в ресторан, причем – в одиночестве. Тут-то, в ресторане, к нему и подседа некая красотка. Слово за слово, намек за намеком... В итоге Сальников оказался у красотки в гостях, да еще вместе с ней в одной постели.

Ну, а дальше все было по хорошо известному сценарию. В самый пикантный момент в квартиру, где Сальников уединился с красоткой, вломилась несколько мужчин, которые, конечно же, оказались сотрудниками немецкой разведки. К слову, как и сама красотка. Все мыслимые подробности общения Сальникова с красоткой, как оказалось, были засняты на киноплёнку. Скрытая кинокамера находилась рядом с кроватью.

А дальше начался самый заурядный шантаж. И хотя он был заурядным, Сальникову грозили вполне реальные неприятности. И ладно бы речь шла только лишь о его аморальном поведении – из такой неприятной ситуации Сальников худо-бедно смог бы как-нибудь выкрутиться. Но тут же, на кинокамеру, красотка сообщила, что она агент немецкой разведки, и те, кто вломился в ее квартиру, – тоже. Само собой, эту плёнку красотка тут же пообещала предъявить куда следует. Но сказала, что может и не предъявлять, если Сальников поведет себя разумно. То есть согласится сотрудничать с немецкой разведкой.

И Сальников согласился. Свое согласие самому себе он объяснил так. Если бы он не согласился, то его, несомненно, ждала бы реальная беда. Тюрьма на долгий срок, а возможно, и расстрел.

Свое согласие сотрудничать с вражеской разведкой Сальников озвучил перед кинокамерой. И еще дал письменное подтверждение. Псевдоним он себе взял – Ворон.

И тут же ему было дано первое задание. Никто, собственно, не заставлял Сальникова что-то взрывать или кого-то убивать. Никто даже не заставлял его собирать какую-то информацию. Ему сказали, что он может продолжать жить так же, как жил раньше. И – ждать того момента, когда к нему явится с заданием некто из немецкой разведки. Вот тогда-то он, Сальников, должен будет приступить к выполнению этого задания – каким бы оно ни было.

Заодно Сальникова предупредили: если он надеется, что о нем забудут, или захочет каким-то образом скрыться, то такие его мечты напрасны. Его все равно найдут, и тогда компрометирующие документы лягут на соответствующий стол. То же самое случится, если Сальников вздумает явиться с повинной и покаяться перед своим командованием или НКВД. Так что благополучие Сальникова во многом зависело от него самого. Точнее говоря, от его разумного поведения.

Ну, а чтобы ниточка, связывающая Сальникова с немецкой разведкой, не обрывалась, он обязан докладывать немецкой разведке обо всех изменениях в его жизни. Женился – доложил, перевели его на другое место службы, повысили в звании и должности – то же самое. Чтобы, значит, немецкая разведка имела ясное представление о своем агенте Вороне. Каждый раз он должен отправлять письмо с сообщением об изменениях в своей жизни и службе своей любимой тете – Елизавете Петровне. Адрес тетушки Сальникову следует запомнить накрепко. Что с того, что никакой любимой тетушки Елизаветы Петровны у него нет? Теперь будет. Это до поры до времени и будет каналом связи между Сальниковым и немецкой разведкой.

С тем и расстались. Конечно же, Сальников был и угнетен, и расстроен до самой последней крайности, а уж какими мысленными эпитетами он наградил вероломную красотку – о том отдельный разговор. Но делать было нечего, приходилось, хочешь того или не хочешь, привыкать к новой роли – к роли агента немецкой разведки.

Его и впрямь никто не беспокоил, и Сальников уже начал потихоньку забывать о том, что он немецкий шпион Ворон. И даже исподволь надеяться, что все, что с ним случилось, как-нибудь уладится само собой. Мало ли у немецкой разведки забот, чтобы ей помнить еще и о нем, Сергее Сальникове?

Что касается жизни Сальникова, вернее, его службы, то в ней произошли немалые изменения. Он был командиром Красной армии, но военная служба ему не нравилась, а потому он подыскивал способы и возможности, чтобы сменить военную службу на какую-нибудь другую. Например, пойти служить в НКВД. Служба в НКВД представлялась ему куда менее хлопотной, а главное, гораздо более перспективной и престижной, чем армейская служба. Да, но как это устроить? Как, без потери репутации, лишних хлопот и возможных подозрений со стороны начальства перейти из одного ведомства в другое? Это был вопрос, который Сальникову в конце концов удалось решить. Перебравшись в НКВД, он получил новое назначение и занял должность начальника одного из сибирских лагерей для заключенных. Нельзя сказать, что назначение ему понравилось. До этого он служил в Ленинграде, а тут предстояло перебираться в какой-то неведомый сибирский городок Мариинск. Радости в том мало.

Но куда ему было деваться? Так или иначе, а служить в НКВД гораздо лучше, чем в армии. Шел тысяча девятьсот сорок первый год, ощутимо пахло войной, а воевать Сальников не стремился. Точнее сказать, его одолевал страх от самой мысли о его участии в войне. Служба в НКВД – это, как ни крути, глубокий тыл, где не стреляют. Так что прочь всякие внутренние недовольства, едем в неведомый Мариинск!

Разумеется, о своем новом статусе и новом месте службы Сальников сообщил в письме любимой тетушке Елизавете Петровне. Хоть он и надеялся, что немецкая разведка успела о нем забыть, но вдруг не забыла? Так что лучше не испытывать судьбу и написать этой самой Елизавете Петровне или тому, кто там скрывается под этим именем.

Мариинск Сальникову не понравился решительно, что, в общем, было вполне понятно. Все-таки это не Ленинград. К тому же была зима, да не просто зима, а сибирская зима со всеми ее особенностями: лютыми морозами, снегом по самые крыши, суровыми, малоулыбчивыми людьми, которых Сальников стал опасаться с первого же дня своего приезда в Мариинск. Но опять же, деваться было некуда.

Лагерь, в который его назначили, был мужским лагерем строгого режима. Что это такое, Сальников пока не очень понимал, но надеялся, что скоро войдет в курс дела. В этот самый курс дела его должен был ввести прежний начальник лагеря. Он получил новую должность с повышением, а Сальникова, соответственно, назначили на его место.

Жилье Сальникову выделили здесь же, при лагере, в доме, который именовался «домом для специалистов». Прежний начальник лагеря торопился занять новую должность, поэтому вводил Сальникова в курс его новых обязанностей в ускоренном темпе. А введя, тотчас же и отбыл.

Ну, а вскоре началась война. От Мариинска она была далеко, но ее грозное эхо можно было слышать и здесь. Фронтовые сводки, ежедневные суровые инструкции начальства, поезда, день и ночь идущие по Транссибу, – все это сплелось для Сальникова в единый узел, не дававший ему покоя. Да и в самом лагере, начальником которого являлся Сальников, было беспокойно. Лагерь был большой, заключенных в нем много, то и дело вспыхивали всяческие выяснения отношений между ними, а еще случались побег, которых Сальников обязан был не допустить ни в коем случае, потому что в лагере это было событием чрезвычайным, и вся полнота ответственности в этом случае возлагалась на Сальникова.

Но и без выяснения отношений и побегов хлопот у Сальникова было немало. Заключенных надо было кормить, одевать, выводить на работу, следить, чтобы они ежедневно выполняли план, потому что за невыполнение плана с Сальникова также могли строго спросить. А попробуй заставь заключенных выполнить план! Во-первых, он сам по себе был трудновыполнимым ввиду объема, а во-вторых, почти никто из заключенных не горел особым желанием не то что выполнять план, но и вообще работать. Две трети заключенных лагеря находились здесь по уголовным статьям, а с уголовника попробуй спроси, попробуй заставь его трудиться! Приходилось изобретать различные меры принуждения, а это было делом чрезвычайно опасным. Чуть перегнешь палку – и жди бунта. А бунт в лагере был делом еще более страшным, чем побег. Тем более в условиях, когда страна ведет борьбу с фашистами. И об этом начальство не уставало напоминать Сальникову почти ежедневно.

За всеми этими хлопотами Сальников и думать забыл, что он не только начальник лагеря строгого режима, но еще и немецкий агент по прозвищу Ворон.

Глава 7

В феврале сорок третьего года немцы напомнили Сальникову о себе. Неожиданно, напрямую, без обиняков. Причем не где-нибудь, а прямо в лагере.

Случилось это так. В тот день Сальников отлучился из лагеря в город по служебным делам – вызывало начальство. Побывав у начальства, Сальников решил не возвращаться сразу обратно в лагерь, а пройтись по городку. Мариинск был по-прежнему не по душе Сальникову, да за что его было любить? Несколько немощеных улиц с деревянными узенькими тротуарчиками, двухэтажные и одноэтажные, из почерневших от времени и непогоды бревен, дома на улицах, тесная центральная площадь, вокзал, здание которого было все из того же почерневшего дерева – вот и весь город. Все мрачно, уныло. Даже снег на улицах – и то не белый, а какой-то серый. Мало радости и красоты в зимних сибирских городах. А уж в таком городке, как Мариинск, – тем более. Это не Ленинград, который красив в любое время года.

Но зато здесь не слышно выстрелов, здесь нет войны. Это обстоятельство утешало Сальникова и мирило его с неприглядными видами городка и даже утешало его. Все-таки большое дело, когда ты не на войне. Потому что на войне, наверное, виды и того хуже. Вон показывают их в кинохронике... Так что лучше уж потерпеть. А там будет видно.

В тот день выдалась хорошая погода: не мело, не валил надоедливый снег, было сравнительно тепло. Выдаются иногда среди зимы такие деньки – особенно когда на дворе уже февраль. Так сказать, первые робкие приметы грядущей весны. Хотя, конечно, до настоящей весны было еще далековато. Настоящая весна в Мариинске начинается где-то во второй половине апреля – да и то в лучшем случае. Здешние жители говорят, что бывают такие годы, когда снег не сходит и до конца мая.

Но в тот день погода выдалась просто-таки замечательная. И Сальников решил не торопиться с возвращением в подведомственный ему лагерь (сам лагерь располагался неподалеку – на городской окраине, так что туда можно было добраться и пешком). Ему захотелось пройтись по улице – не торопясь, ни о чем не думая. А лагерь со всей его докукой и постоянными заботами не пропадет.

Сальников неспешно шел по улице и рассеянно насвистывал какой-то легкомысленный мотивчик. Кажется, он слышал его раньше, в прежней своей жизни, когда был командиром Красной армии и жил в Ленинграде. То ли в ленинградском ресторане, то ли в выходной вечер на летней танцевальной площадке...

– Здравствуйте, – поздоровался с ним кто-то.

С ним многие в городке здоровались, потому что многие его знали. Начальник лагеря – фигура в здешних местах заметная и даже почитаемая. Вот и здороваются даже те, кого сам Сальников не знал. Он рассеянно кивнул в ответ и, даже не взглянув на того, кто с ним поздоровался, пошел дальше. Но его остановили, окликнув.

– Погодите, – сказали ему. – Не надо так торопиться...

Начальник лагеря остановился и с недоумением поднял голову. На него в упор смотрел мужчина средних лет, одетый в прямого покроя пальто с барашковым воротником. Такие пальто в Мариинске обычно носили разного рода начальники, имевшие бронь и перебравшиеся в Мариинск из мест, оккупированных фашистской армией. Исконные жители Мариинска – хоть начальники, хоть кто другой – обычно носили дубленые полушубки либо меховые шубы, покрытые сверху непромокаемой тканью.

– Вы это мне? – спросил Сальников.

– Именно вам, – ответил окликнувший его начальник в пальто.

– Я вас не знаю, – равнодушно произнес начальник лагеря.

– Заодно познакомимся, – усмехнулся мужчина.

– Что вам нужно? – спросил Сальников.

– Вам привет от любимой тетушки, – сказал мужчина. – Которую, если вы не забыли, зовут Елизавета Петровна.

Не сразу смысл сказанного стал доходить до начальника лагеря.

Мужчина улыбнулся:

– Тетушка интересуется, как ваше здоровье. А заодно – готовы ли вы к настоящему делу...

– Какому еще делу? Какая тетушка? – дернулся Сальников. – Что вы мелете? Вы что, пьяный? Ступайте своей дорогой, если не хотите, чтобы я сдал вас в милицию!

– Бдительность – это хорошо, – одобрительно произнес мужчина. – И здоровая недоверчивость – тоже. Это, можно сказать, наше основное оружие.

Начальник лагеря молча развернулся и сделал несколько шагов.

– Довоенное время, Ленинград, ресторан, одна милая красотка, ваши любовные утехы, заснятые на киноленту... – произнес мужчина вслед Сальникову. – Мне продолжать?

Сальников остановился.

– Кто вы такой? – спросил он, с неприязнью глядя на мужчину.

– Можете называть меня Петром Петровичем, – ответил мужчина. – Нам нужно поговорить.

– Почему я должен с вами разговаривать?

– Потому что вы Ворон. Вам что-нибудь говорит это прозвище?

– Хватит! – резко произнес Сальников.

– Я тоже так думаю, – согласился мужчина. – Будем считать, что обмен верительными грамотами произошел. Итак, вы – Ворон, а я – Петр Петрович.

Сальников на это ничего не сказал. Он размышлял, как ему быть дальше. Напрасно, выходит, он надеялся, что его позабыли. Оказывается, не забыли... Да, но что же ему делать дальше? Продолжить разговор с этим типом? Сдать его милиции? С одной стороны, это дело опасное. Но с другой-то стороны, что в нем опасного? Вряд ли этот самый Петр Петрович, или кто бы он ни был на самом деле, начнет говорить о себе в милиции правду. Скорее всего он что-нибудь соврет, и его отпустят. Да и сам Сальников также не скажет всей правды милиционерам. И что же будет дальше? А дальше этот Петр Петрович встретится с ним вновь. И как знать, что это будет за встреча? Где, когда?..

А может, его, этого невесть откуда возникшего Петра Петровича – того?.. Рука Сальникова непроизвольно потянулась к пистолету в кобуре. Ну, а что? Заманить куда-нибудь за город, а там... А потом сказать, что он поступил так, потому что вынужден был защищаться от этого мужчины. Дескать, он, Сальников, шел пешком в лагерь, а мужчина на него напал. Допустим, из личной неприязни (в Мариинске мало кто любит начальников лагерей, большинство людей их ненавидит – по разным причинам). Ну и – Сальникову пришлось применить оружие.

Безусловно, ему поверят. Во-первых, потому, что время военное, а он постоянно при исполнении служебных обязанностей. Во-вторых, случались уже в Мариинске, да и в соседних местах, подобные прецеденты. Нападали на начальников лагерей и других лагерных сотрудников всяческие враждебно настроенные людишки... Так что – поверят. И заживет он, как и прежде, без всяких напоминаний и без всяких Петров Петровичей.

– А вот мысли у вас глупые, – проницательно посмотрел на Сальникова мужчина в пальто. – Неужто вы думаете, что я настолько глуп, что не в состоянии разгадать ваших потаенных желаний? Оставьте кобуру в покое, не надо таких жестов. Допустим, вы и впрямь пристрелите меня из вашего пистолета... Ну, так сразу же пристрелят и вас! Вот они. – И мужчина указал рукой куда-то в сторону.

Сальников невольно посмотрел туда же, но никого не увидел.

– И не увидите, – усмехнулся Петр Петрович. – Никого там нет. Но вместе с тем те, кто надо, там есть. Вы меня понимаете?

Начальник лагеря ничего не сказал, лишь зло и затравленно взглянул на собеседника.

– Возможен и другой вариант, – будто и не замечая этого взгляда, продолжил Петр Петрович. – Вы меня убьете, и в тот же миг ваше начальство будет знать об истинных причинах убийства. Мне уже будет все равно, зато вас ожидает такое, что уж лучше быть мертвым, чем живым! Надеюсь, что и это вам понятно.

– Что вам от меня нужно? – хрипло спросил Сальников.

– Вот это уже совсем другой разговор! – улыбнулся мужчина. – Все чинно, все по существу и разумно, и никакой стрельбы из пистолета... А вот торчать посреди улицы – глупо. Этак на нас скоро начнут обращать внимание. О чем это эвакуированный специалист так мило беседует с начальником лагеря? Что у них может быть общего? Пойдут кривотолки... А потому позвольте пригласить вас к себе домой на чашечку чая. Вот мой дом, напротив. – И мужчина указал на двухэтажное, барачного типа строение. – Там-то и находится моя квартирка. Выделили как ценному специалисту. Я, видите ли, инженер-путеец. Самый настоящий, с советским дипломом! Так что – прошу. Да вы расслабьтесь, зачем так напрягаться? Все будет просто замечательно...

* * *

Пришли. Квартирка располагалась на втором этаже и состояла из прихожей, крохотной кухни с печью и двух небольших комнат.

– По местным масштабам, – улыбнулся Петр Петрович, – апартаменты просто-таки купеческие. Тем более – для одного. Вы ведь, насколько мне известно, также проживаете в одиночестве? Не обзавелись крепкой советской семьей?

– Не обзавелся, – сказал Сальников.

– Вот это правильно! – одобрил Петр Петрович. – Семья в нашем деле – помеха. Как-никак, лишние уши и глаза. А если к тому же попадет идеологически подкованная особа – пиши пропало! Мигом донесет! Так что – и не женитесь. Жениться будем после победы. Нашей победы! – многозначительно подчеркнул Петр Петрович. – Да вы располагайтесь. Сейчас заварю чай. Не настоящий, конечно, а из каких-то здешних трав, но что поделать? Мне, знаете ли, приходилось пить и не такое. Например, пальмовую водку. Не пробовали? И не пробуйте даже, если представится случай. Жуткая дрянь, как по моему вкусу.

Петр Петрович хлопотал на кухне и вскоре принес на подносе чайник, две чашки и сложенные горкой баранки.

– Баранки положены мне как специалисту, – иронично произнес он. – Впрочем, ведь и вы также специалист. Так что – прошу.

Какое-то время они молча пили чай, а затем Петр Петрович сказал:

– Так вот, о деле. Дело, значит, предстоит такое... Впрочем, о подробностях дела – потом. А пока скажу о той награде, которая вас ожидает после того, как вы успешно справитесь с делом. Так сказать, о немецких пирогах и пряниках. Немцы – народ пунктуальный, а потому коль обещали, то, стало быть, и сделают. Можете не сомневаться. Так вот. После завершения операции вас переправят в Европу – в одну из нейтральных стран. Новые документы, приличное жилье, деньги – все это само собой. Мне поручено, чтобы я это вам сказал – вот я и говорю.

– Ну да, в Европу... – недоверчиво ухмыльнулся Сальников. – Где Мариинск, а где Европа.

– Не так и далеко, как вам представляется, – возразил Петр Петрович. – Уж я-то знаю. Но сначала, разумеется, должно быть дело. Европу, как вы понимаете, нужно заслужить.

– А если немцы не победят? – спросил Сальников. – Нам говорят, что в войне произошел перелом, и теперь мы... – он запнулся, – теперь немцы будут отступать до самого Берлина.

– Советская пропаганда, безусловно, может говорить что угодно, – сказал Петр Петрович. – На то она и пропаганда. Я же вам говорю правду. Уж я-то владею доподлинной информацией, можете не сомневаться. Вы говорите – перелом в войне? А я вам говорю – настоящая война только начинается! И завершится она победой немецкого оружия. Притом очень скоро. А если мы с вами, – Петр Петрович усмехнулся, – ей подсобим, так и еще быстрее.

Петр Петрович помолчал, испытующе глядя на Сальникова, а затем продолжил:

– Что касается лично вас, то вам необходимо учитывать еще один момент. О, это очень важный момент! Буквально-таки – вопрос вашей жизни и смерти! Вот вы представьте: скоро закончится война и падет советская власть. И что же дальше? Как дальше сложится ваша судьба? Вы молчите? Ну, так я скажу сам. Вы погибнете! Те же ваши, так сказать, клиенты, которых вы сейчас охраняете, – они же растерзают вас на мелкие кусочки. В буквальном смысле этого слова. Восстанут и растерзают. Вы лучше моего знаете их повадки. И лучше моего знаете, какие чувства они к вам испытывают. Растерзают! И спасение для вас здесь может быть лишь одно – уехать в Европу!

После таких слов Сальников задумался всерьез. Да, действительно... Если советская власть прекратит существовать, то и жизнь Сальникова тоже закончится. Тут без вариантов. Те заключенные, которых он сейчас охраняет, его и прикончат. Они бы и сейчас его прикончили, если бы у них была такая возможность. Но возможности пока нет. Она появится, когда советская власть прикажет долго жить. Да-да, именно так и будет.

– Надеюсь, вы понимаете, какой перед вами стоит выбор? – спросил Петр Петрович. – Тут – смерть, а там – обеспеченная жизнь. Разумеется, выбор за вами. Однако же очень хочется, чтобы ваш выбор был разумным.

– Что я должен буду сделать? – спросил Сальников.

– Взгляните в окно, – неожиданно предложил Петр Петрович. – Взгляните, взгляните... Это избавит вас от окончательных иллюзий и глупых намерений покончить со мной здесь же, в этой самой квартирке.

Сальников в недоумении взглянул на Петра Петровича, а затем выглянул в окно. Окно выходило на улицу. По ней мимо окна прошли два человека – по виду обычные рабочие. Затем они прошли обратно, потом вернулись и еще раз прошли мимо окна.

– Что, это ваши люди? – скривил в усмешке рот Сальников.

– Рад, что вы понимаете правильно, – ответил Петр Петрович. – Итак, будем считать, что ваши иллюзии и неразумные намерения окончательно развеялись. А потому – приступим к конкретному разговору. Вы спрашиваете, что вам предстоит делать. Отвечаю: участвовать в операции, да не просто участвовать, а возглавить ее.

– Что за операция? – мрачно поинтересовался начальник лагеря.

– Называется она – «Что делать».

– Как-как? – невольно удивился Сальников.

– Вам не нравится название? – усмехнулся Петр Петрович. – Ну, оно утверждено командованием немецкой разведки, так что, как говорится, хочешь или не хочешь, а полюбить придется. К тому же название нормальное. Так сказать, извечный русский вопрос.

– Ну, и что же делать? – мрачно скаламбурил Сальников.

– Рад, что у вас, помимо готовности действовать, есть еще и чувство юмора, – одобрительно произнес Петр Петрович. – Люди, обладающие чувством юмора, – это умные люди. А умный человек, стоящий во главе серьезного дела, – это почти полная гарантия успеха. Итак, к делу. Мариинск, как вам известно, располагается на магистрали, название которой Транссиб. А что такое Транссиб в условиях военного времени? Это основная транспортная артерия, по

которой снабжается Красная армия на фронте. Оружие, боеприпасы, живая сила, продовольствие... Вы со мной согласны?

Сальников молча кивнул.

– А отсюда следует простой и логичный вывод, – продолжил Петр Петрович. – Если эту артерию перерезать или закупорить, то... – Он не договорил и пошевелил в воздухе пальцами. – Вы со мной согласны?

Сальников еще раз кивнул.

– Отлично. А отсюда возникает вопрос: как лучше это сделать? Вы не знаете? – И Петр Петрович выразительно взглянул на Сальникова.

– Не знаю, – неохотно ответил начальник лагеря.

– Вот и немецкое командование до поры до времени тоже не знало, – сказал Петр Петрович. – Группу диверсантов сюда не забросишь – слишком далеко. Да и не справится с задачей одна диверсионная группа. Тут, пожалуй, нужна как минимум дивизия, которую, опять же, сюда просто так не перебросишь. Просто-таки безвыходное положение! Оттого-то и образовались на фронте относительные и временные успехи Красной армии. Но не так давно в чьей-то светлой голове возникла идея – как это сделать. Не надо забрасывать в столь отдаленные места ни дивизию, ни даже диверсионную группу. Исполнителей можно найти и на месте.

– Понимаю, – скривился Сальников. – Этим исполнителем должен быть я. Интересно, как мне в одиночку справиться с такой задачей? Об этом ваши светлые головы не подумали?

– Представьте себе, подумали, – усмехнулся Петр Петрович. – И, как мне кажется, нашли блестящий выход. Разумеется, что вы сможете сделать в одиночку? Подпилить телеграфный столб? Взорвать паровоз? Ну так в масштабах такого колосса, как Транссиб, это даже не капля в море, а гораздо меньше. Ничто. А вот если действовать сообща...

– И где же вы найдете сообщников? – спросил Сальников. – Кто согласится на такой риск? Да и что вы пообещаете тем, кто согласится? Что всех отправите в Европу?

– В этом-то и заключается суть операции «Что делать», – взмахнул рукой Петр Петрович. – Потенциальных сообщников хватит. И притом никого ни в какую Европу отправлять не нужно. Все гораздо проще!

– Я не понимаю...

– Это потому, что я вам не все еще объяснил. – Петр Петрович встал, прошелся по комнате, выглянул в окно, хмыкнул и снова уселся напротив Сальникова. – Вот смотрите... Вы кто?

– Не понял вашего вопроса...

– Ну, по должности вы кто? Начальник лагеря для заключенных, не так ли?

– Ну да.

– И сколько заключенных в вашем лагере в настоящий момент?

– Почти восемьсот человек, – сказал Сальников.

– Вот видите, почти целый полк! Это же сила! Для начала вполне хватит.

– Для начала чего? – не понял начальник лагеря.

– Для начала активных действий на магистрали, – пояснил Петр Петрович. – Ну, а какие именно это будут действия, тут уж нам с вами предстоит подумать...

– И все равно – я не понимаю, – пожал плечами Сальников.

– Ну, тут-то все как раз понятно, – сказал Петр Петрович. – Расклад таков. Вначале вы подбираете у себя в лагере группу подходящих людей из числа заключенных. Кого именно – вам, разумеется, виднее. Это будет нечто вроде руководящего органа. Так сказать, повстанческий штаб – под вашим, разумеется, руководством. Затем вы совместно с вашими доверенными людьми поднимаете в лагере восстание, разоружаете охрану – вот вам и оружие. Кое-какое оружие подкинем и мы. Правда, у нас его маловато, но чем сможем – поможем. Вот вам

и вооруженный отряд мстителей советской власти. Уже можно действовать. То есть начинать выводить из строя важные объекты на магистрали.

– И это все? – спросил Сальников. В его голосе ощущалась угрюмая ирония, а кроме того, удивление, недоумение, раздражение и еще какие-то чувства, коим и названия не подберешь вот так вот, с ходу.

– Почему же все? – спокойно произнес Петр Петрович. – Представьте, что не все, а только лишь начало. Разумеется, слухи о вашем восстании разойдутся по другим лагерям, а их в окрестностях немало. И, само собой, тогда восстанут и другие лагеря. И тогда начнется самая настоящая масштабная борьба. Не думаю, что местные НКВД и милиция так легко справятся с восстанием. Сколько их, милиционеров и энкэвэдэшников? Самая малость. Здесь нужна будет регулярная армия. А ее нет – армия на фронте. Ну, теперь-то вам понятен смысл операции «Что делать»?

– Вы это серьезно? – после долгого молчания спросил Сальников.

– Вполне, – ответил Петр Петрович. – А что, у вас имеются какие-то сомнения? Так поделитесь!

– Сомнения? – покрутил головой Сальников. – Тут не сомнения, а, можно сказать, полная уверенность...

– Уверенность в чем? В том, что у нас ничего не получится?

– Вот именно.

– И почему же?

– Потому что это заключенные, – пояснил Сальников. – Даже если их удастся организовать и устроить восстание, они тотчас же разбегутся в разные стороны. Какая уж там организованная борьба, да еще со стрельбой и взрывами. Это же заключенные. У них совсем другая психология. Своя собственная.

– А как же ненависть? – спросил Петр Петрович.

– Какая ненависть? – не понял начальник лагеря. – К кому?

– К советской власти, – пояснил Петр Петрович. – Которая засадила их за решетку на долгие годы и содержит в нечеловеческих условиях. Как быть с этим? Или, может, вы считаете, что ваши, так сказать, подопечные испытывают к советской власти нежные чувства и готовы ее защищать?

– Я так не считаю, – пожал плечами Сальников. – Но все равно сомневаюсь...

– Это потому, – назидательно произнес Петр Петрович, – что вы на эту тему не думали. Ведь не думали, не так ли? Вот видите... А вот немецкая разведка подумала. И пришла к определенным выводам. Их суть в том, что заключенные обязательно должны подняться на борьбу с советской властью. В конце концов, помимо уголовников и всяких случайных лиц, которых принято называть бытовиками, среди заключенных немало и убежденных противников советской власти. Разве не так? Неужто и они не пожелают вступить в борьбу с советской властью, если предоставить им такую возможность?

– Они, может быть, и пожелают... – неуверенно произнес Сальников. – Но их не так и много. Тех же уголовников гораздо больше.

– А это не имеет значения! – уверенно произнес Петр Петрович. – Тут главное – подняться. Бросить, так сказать, клич и предпринять определенные действия. В этом случае поднимутся и все остальные. Сработает эффект толпы. Ну, или, точнее говоря, эффект стаи. Ваши заключенные – это же стая. Разве не так?

– Может, и стая, – мрачно произнес Сальников. – Но все равно стаю тоже нужно поднять и направить в нужную сторону.

– Покажите стае добычу, и стая сама устремится к ней и вцепится ей в горло. Что, собственно, нам и нужно. Нужно лишь умело показать эту добычу и объяснить стае, что это и есть добыча. Самая лакомая из всех, которые только могут быть. Вот вы это и сделаете.

– Ну-ну... – скептически ухмыльнулся Сальников.

Не нравился ему этот разговор. Не нравился с самого начала, и чем дальше, тем больше. Не верил он в эту затею. Да, конечно: если перед заключенными открыть ворота лагеря, то они, разумеется, в эти ворота устремятся. В первую очередь – уголовники, за ними – политические, потом, возможно, и бытовики. Жизнь в лагере далеко не мед, и не каждый заключенный надеется дотянуть до конца срока. А тут такая возможность. Но дальше-то что? А дальше – разбегутся заключенные по городам и весям. На все четыре стороны разбегутся, благо впереди весна, а за ней и лето. Уголовники опять начнут грабить и убивать, политические и бытовики, наверно, подадутся по своим домам или затаятся в каких-нибудь норах... Какое уж там организованное восстание?

Но даже не это было для Сальникова главным. Главным здесь был он сам, его будущая судьба и участь. А что, если затея не удастся? Что, если НКВД и пришедшая к нему на помощь армия окажется ловчее и сильнее? Что тогда будет ждать его? Ответ напрашивался сам собой, и был он очевидным и понятным: а тогда Сальников из начальника лагеря превратится в его сидельца. И это в лучшем случае. А скорее всего его просто расстреляют. Время-то военное, а тут массовое восстание против советской власти. Не бывает преступления хуже.

Так что же ему делать? Пристрелить Петра Петровича, кем бы он ни был, – это не выход. Мигом прибегут те двое, которые прохаживаются мимо окна. А может, их даже и не двое, а гораздо больше, как знать? Со всеми разве справишься?

Есть, конечно, и другой вариант. Не хотелось бы Сальникову к нему прибегать, но он есть. А вариант таков. Сальников сделает вид, будто он согласен с Петром Петровичем и готов приступить к действиям, а сам тем временем явится с повинной к своему начальству, сдав, таким образом, себя самого, но вместе с собой – и Петра Петровича, и этих смутных личностей, которые похаживают мимо окна... Да, конечно: и в этом случае Сальникова, вероятно, ждет тюрьма, зато он останется жив. А может, и тюрьмы никакой не будет, ведь он ничего еще не успел сделать против советской власти. Даже наоборот, он помог изобличить целую шпионскую вражескую сеть! Разве за это сажают или расстреливают? В крайнем случае, его снимут с должности и, возможно, отправят на фронт. Ну, так это куда как лучше, чем погибать в лагере или томиться в камере смертников, ожидая расстрела! Так что же делать? Как поступить?

Пока Сальников терзался в размышлениях, Петр Петрович молчал и вглядывался в начальника лагеря. А затем сказал:

– Я понимаю все ваши сомнения и терзания. В конце концов, окончательное решение за вами. Но вместе с тем хочу вас предупредить. Если вы не согласитесь выполнить работу, мы от вас просто избавимся. Надеюсь, вы понимаете: для чего нам нужен человек, который о нас знает, но он не с нами? Чтобы он, спасая себя, донес на нас? То же самое вас ждет, если вы задумаете затеять с нами какую-нибудь игру. Скажем, формально согласитесь сотрудничать с нами, а сами попытаетесь на нас донести. Вы понимаете, о чем я вам толкую?

Сальников долго не отвечал, с угрюмой задумчивостью глядя куда-то в угол.

– Что именно я должен делать? – наконец, спросил он.

– Вот так-то лучше, – сказал Петр Петрович. – И для Германии, и для нас, и для вас лично. Возвращайтесь в лагерь и начинайте сколачивать группу. Нажимайте на их низменные инстинкты – я имею в виду желание отомстить советской власти. Обещайте какие угодно блага: свободу, деньги... Да-да, и деньги, вы не ослышались. Самым толковым и активным участникам мы готовы заплатить. Словом, действуйте. О результатах будете докладывать мне лично. Будем встречаться здесь же, в этой квартире. Следующая встреча через три дня в это же самое время, что и сегодня. И поторопитесь – скоро весна. А весна – самое подходящее время для военных действий. Я имею в виду и наступление Красной армии на фронте, и наши с вами дела. Они тоже касаются войны.

Глава 8

Бытовиков Сальников отмел сразу. Какие из них повстанцы? Попали они в лагерь из-за случайности или по роковому стечению обстоятельств, сроки у них небольшие, а потому есть надежда дотянуть отсидку до конца и благополучно выйти из лагеря. Нет, ни на побег из лагеря, а тем более на диверсии они не согласятся. Даже наоборот – при первом же удобном случае постараются донести на Сальникова, надеясь, что им за это скостят сроки. Итак, бытовиков отмечаем в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.